Метаморфозы патриархата в цифровую эпоху: проявления социального бессознательного и групп-аналитическое понимание

*Лиолиос Константинос**

Специализированная психиатрическая практика, Ханья, Греция.

Аннотация

Постепенное, но несомненное ослабление патриархальных метаструктур стало одной из определяющих характеристик современного глобального общества. Этот процесс не ограничивается институциональными или политическими структурами, но затрагивает символические, психологические и межличностные основания социальной жизни. В данной статье исследуются причины, последствия и трансформации, связанные с упадком патриархальной власти, с интеграцией теорий социального бессознательного, символической медиации, мифологических и психоаналитических концепций, групп-аналитических процессов, а также влияния цифровой эпохи.

Эрозия патриархата дестабилизирует традиционные социальные связи, порождая фрагментацию, агрегацию и омассовление, поляризацию подгрупп и кризис символической власти. Эти процессы существенно усиливаются цифровыми технологиями, которые ослабляют вертикальные механизмы передачи норм и опыта, ускоряют аффективное заражение и реорганизуют власть, делая ее зависимой от публичной видимости. Несмотря на ослабление явных патриархальных структур, их остатки сохраняются в социальном бессознательном через защитные процессы, символические смещения и трансгенерационную передачу.

В терапевтических группах эти трансформации проявляются как вызовы лидерству, размывание границ, усиление расщепления и бессознательный поиск компенсаторных фигур власти. Групп-аналитическая психотерапия рассматривается как особое пространство для наблюдения, символизации и проработки психосоциальных последствий распада патриархата и цифрового опосредования. В статье утверждается, что современное общество находится на перепутье: между регрессией к авторитарным заместителям и формированием диалогических, этически ориентированных постпатриархальных форм социального взаимодействия, способных выдерживать сложность без доминирования.

Ключевые слова: патриархальная трансформация; социальное бессознательное; групп-аналитические процессы; кризис символической власти; постпатриархальный субъект.

Получено: 23 марта 2026 г.
Принято: 8 мая 2026 г.
Опубликовано: 30 сентября 2026 г.

Для цитирования:
Лиолиос К. Метаморфозы патриархата в цифровую эпоху: проявления социального бессознательного и групп-аналитическое понимание. *Psychotherapy Science Today.* 2026;2(3):55–67. https://doi.org/10.64435/SQDM2274

OPEN ACCESS

© Автор(ы), CC BY-NC 4.0

Введение

Во многих современных обществах длительно существовавшие патриархальные структуры претерпевают глубокие изменения. На протяжении веков патриархат функционировал не только как политическая и экономическая система, но и как символическая рамка, организующая власть, гендерные роли, родственные отношения и формирование субъективности. Поэтому его эрозия затрагивает не только институциональные устройства, но и более глубокие символические координаты, через которые исторически структурировались социальный порядок, легитимность и идентичность.

Основополагающее положение Симоны де Бовуар о том, что гендерная иерархия является социально сконструированной, а не естественно заданной, подчеркнуло историческую обусловленность патриархальных порядков [1]. Антропологические исследования также показали, что патриархальная власть встроена в системы

* E-mail: lioliosk.2@gmail.com.

родства, союзов и символического обмена, регулирующие социальную организацию [2]. Однако в современных обществах эти структуры все более дестабилизируются. С точки зрения Корнелиуса Касториадиса патриархат можно понимать как часть доминирующего социального воображаемого — системы коллективных представлений, через которую общество конституирует смысл и легитимность [3]. По мере того как это воображаемое утрачивает целостность, принципы, ранее структурировавшие власть, принадлежность и межпоколенческую преемственность, становятся менее устойчивыми, что ставит общества перед новыми формами неопределенности и институциональной нестабильности.

Эта трансформация разворачивается параллельно с другим крупным историческим сдвигом — расширением цифровой эпохи. Цифровые коммуникационные технологии изменяют условия социального взаимодействия, ослабляя иерархические способы передачи и заменяя их горизонтальными, мгновенными и алгоритмически опосредованными обменами. Власть все чаще зависит не от устойчивой позиции, а от формы публичной демонстрации, тогда как символически опосредованные формы регуляции и временная дистанция, ранее структурировавшие сферу желаний и отношения власти, ослабляются под влиянием культуры мгновенного удовлетворения, публичности и эмоциональной интенсивности [4, 5]. Эти технологические условия не просто сопровождают более широкие культурные трансформации; они также ускоряют процессы, дестабилизирующие унаследованные символические структуры.

В этом контексте современные общества демонстрируют нарастающие признаки символической дезорганизации. Эти процессы включают слабо интегрированные формы социальной организации и омассовление, распространение антагонистических подгрупп и повторяющуюся поляризацию между противоположными идентичностями. Посреднические институты часто ослабевают, тогда как фигуры лидерства выглядят либо хрупкими и ориентированными преимущественно на самоподтверждение, либо наделяются завышенными ожиданиями восстановления и спасения. На символическом уровне опосредующая функция, исторически связанная с отцовской властью — сдерживание конфликта, структурирование границ и введение паузы между импульсом и действием — становится все более нестабильной. При этом общепринятая альтернативная модель власти пока не сформировалась в полной мере.

Данная статья представляет теоретико-аналитическое исследование этих процессов. Опираясь на психоаналитическую антропологию, мифологию, групп-аналитическую теорию и современную социальную мысль, она рассматривает, каким образом трансформации патриархальных символических структур в условиях цифровой эпохи изменяют власть и социальные связи. При этом утверждается, что групп-аналитическая практика предоставляет особенно ценный наблюдательный и интерпретативный инструмент для понимания психических последствий этих исторических сдвигов. Прослеживая, как более широкие культурные трансформации разыгрываются в групповых процессах, статья стремится прояснить как дестабилизирующие эффекты текущего перехода, так и возможное возникновение постпатриархальных форм власти, основанных на диалоге, разделенной ответственности и этичных межличностных связях.

Патриархат как организующая символическая система

Понимание последствий современной трансформации патриархата требует уточнения того, что он исторически представлял в социальной жизни. В устоявшемся смысле патриархат обозначает форму социальной организации, при которой власть сосредоточена в руках мужчин, особенно в семейных или общественных структурах, доминируемых мужчинами [6]. Хотя такие определения описательно точны, они отражают лишь институциональную поверхность значительно более глубокого явления.

В более фундаментальном смысле патриархат можно понимать как **символическую метаструктуру:** надындивидуальную рамку, укорененную в культурных значениях и организующую власть, гендерные роли и межличностные ожидания [3]. Он действует через язык, миф, право и социальные практики, формируя не только распределение власти, но и способы, посредством которых индивиды формируют идентичность, мораль, принадлежность и границы социальной жизни [2, 7]. В этом смысле патриархат исторически функционировал одновременно как политическое устройство и как символический порядок, структурирующий саму субъективность [8].

Помимо своей видимой институциональной формы, патриархат выполнял важные символические функции в социальной организации. Он обеспечивал иерархические структуры власти, стабилизирующие ответственность и принятие решений между поколениями [9]. Через

культурно закрепленное разделение труда и межличностные ожидания он структурировал роли в семьях и сообществах, формируя относительно устойчивые паттерны защиты, обеспечения, заботы и принадлежности [1, 2].

Патриархальные системы также регулировали социальные границы, определяя допустимые роли, формы поведения и пространства. Эти границы укреплялись посредством культурных нарративов и мифологических представлений, в которых власть, жертва, защита и подчинение вписывались в более широкие системы смыслов [10, 11]. На уровне общества различие между публичной и частной сферами дополнительно институционализировало эти символические порядки, закрепляя политическую власть и экономическую деятельность за публичной сферой, а эмоциональный труд и заботу — преимущественно за частной [12].

С психоаналитической точки зрения эти социальные структуры соотносятся с тем, что в лакановской теории описывается как **отцовская метафора.** Концепт **«Имя-Отца»** обозначает символическую функцию, вводящую закон, запрет и опосредование желания [13]. Хотя этот концепт нельзя напрямую отождествлять с социальным патриархатом, исторические патриархальные системы часто воплощали сходные медиирующие функции, организуя власть, формирование границ и межпоколенческую преемственность. Соответственно, трансформации патриархальных структур могут дестабилизировать и символические рамки, через которые общества регулируют власть, идентичность и межличностные связи.

Социальное бессознательное: интернализация и передача патриархата

Чтобы понять, почему патриархат продолжает влиять на социальную жизнь даже при ослаблении его формальных институтов, необходимо рассмотреть функционирование **социального бессознательного** — разделяемых, неосознаваемых структур, формирующих восприятие, эмоции и поведение в обществе. Хоппер определяет социальное бессознательное как скрытую матрицу норм, нарративов, тревог и воплощенных практик, посредством которой общества воспроизводят себя из поколения в поколение [14]. Поскольку патриархат исторически структурировал многие из этих элементов, его предпосылки остаются глубоко встроенными в эту матрицу и сохраняются даже при ослаблении явной идеологической поддержки.

Патриархат действует не только как совокупность явных убеждений или институциональных политик, но и как система имплицитных межличностных паттернов, аффективных ожиданий и привычных интерпретаций социальной реальности [15, 16]. Эти бессознательные паттерны создают основы власти, формируют гендерную идентичность и определяют иерархические отношения в повседневной жизни, зачастую без осознанного рефлексирования.

Развивая групп-аналитическое осмысление социального бессознательного, Карла Пенна подчеркивает, что коллективная психическая жизнь определяется не только видимыми социальными структурами, но и фоновым эмоциональным климатом в группах и институтах. С этой точки зрения ослабление патриархальной власти можно понимать как нарушение контейнирующей функции группы, приводящее к усилению тревоги, фрагментации и защитной реорганизации. По мере разрушения традиционных символических координат власти бессознательная групповая динамика может колебаться между стремлением к всемогущему лидерству и полным отрицанием власти. Эти напряжения часто проявляются в поляризации подгрупп и примитивных зависимых отношениях. Пенна подчеркивает, что такие процессы не сводимы к индивидуальной патологии, а возникают в общем социальном поле, в которое включены субъекты. Групп-аналитические пространства, таким образом, становятся важными местами, где эти бессознательные динамики могут быть символизированы, позволяя группам перерабатывать утрату привычных структур власти и постепенно исследовать новые формы межличностной ответственности, основанные на взаимном признании, а не на доминировании [17].

Патриархат в социальном бессознательном

Патриархат закрепляется посредством устойчивых культурных механизмов, действующих преимущественно вне осознания. Практики воспитания часто акцентируют послушание, гендерную дифференциацию и подчинение авторитету, формируя ранние модели переживания власти и зависимости [18]. Языковые структуры кодируют гендерные иерархии через грамматику, метафоры и идиомы, отдающие предпочтение мужскому и закрепляющие мужское как нормативное [7].

Религиозные традиции часто центрируются вокруг отцовских фигур, представляя власть, порядок и творение через мужскую символику [11]. Мифологические нарративы идеализируют мужской героизм и женскую пассивность, закрепляя гендерные символические роли в коллективном воображении [10]. Образовательные каноны исторически возвышают мужские достижения как фундаментальные, закрепляя представления

о том, кто является центральным, а кто — периферийным в культурной памяти [8]. Даже повседневные ритуалы — кто говорит первым, кто занимает публичное пространство, кто выполняет обслуживающую роль и кто ею пользуется — завуалированно нормализуют мужское лидерство.

Через эти процессы патриархат действует не только как политическая система, но и как глубинная психологическая среда. Как подчеркивает психоаналитическая теория, от таких структур невозможно избавиться лишь посредством их интеллектуального отрицания; бессознательные остатки продолжают формировать желания, тревоги и ожидания [14, 19–22].

Механизмы трансгенерационной передачи

Патриархальные нормы сохраняются между поколениями через тонкие процессы, связывающие индивидуальный опыт с коллективной преемственностью. Центральную роль играет **идентификация,** поскольку дети интернализируют модели власти, гендерных ролей и межличностных ожиданий, демонстрируемые значимыми взрослыми [20–22]. Одновременно эмоциональные остатки — включая неразрешенные конфликты, молчание и исторические травмы — остаются встроенными в семейные системы, влияя на паттерны привязанности и межличностные границы между поколениями [23].

Семейные нарративы и культурные мифы дополнительно закрепляют эти паттерны, передавая имплицитные представления о власти, гендере и принадлежности [14]. Индивиды также могут переживать бессознательную лояльность унаследованным ролям, поддерживая устаревшие межличностные паттерны для сохранения связи с семейной или культурной идентичностью [24]. Через эти взаимосвязанные процессы патриархальные предпосылки часто сохраняются даже тогда, когда правовые рамки и явные социальные нормы начинают меняться.

Защитные механизмы, поддерживающие патриархат

Социальное бессознательное также поддерживает патриархальные структуры через коллективные защитные процессы. Отрицание может представлять патриархальную власть как естественную или неизбежную, тогда как отщепление позволяет признавать неравенство в абстрактной форме, не осознавая его конкретных проявлений [14]. Расщепление усиливает бинарные гендерные категории, идеализируя один полюс и обесценивая другой [25].

Идеализация защитных лидеров или отцовской власти может дополнительно маскировать принудительные структуры под нарративами стабильности, заботы или традиции [26]. В то же время вытеснение может подавлять конфликты или травмы, связанные с патриархальными структурами, ограничивая возможности для критического осмысления. Эти защиты способствуют стабилизации унаследованных структур даже в контекстах, которые на уровне сознания стремятся к большему равенству.

В совокупности эти процессы показывают, что патриархат сохраняется как психическая и культурная сила даже при ослаблении его институциональных форм. Социальное бессознательное передает нормативные ожидания, эмоциональные остатки и защитные стратегии, стабилизируя патриархальные паттерны на глубинных уровнях социальной жизни, что делает их трансформацию одновременно психологически дестабилизирующей и исторически значимой.

Мифологические и психоаналитические основания патриархального порядка

Патриархальная власть исторически поддерживалась не только через институты, но и через символические нарративы, укорененные в мифе, религии и коллективном воображении. Задолго до появления современных политических структур культурные истории и архетипические фигуры формировали ожидания относительно маскулинности, власти и социальной иерархии [10, 11]. Эти символические формы продолжают влиять на коллективные фантазии о лидерстве, морали и межличностных отношениях даже в обществах, которые явно оспаривают патриархальные нормы [27]. По мере ослабления патриархальных структур эти мифологические рамки не исчезают, а дестабилизируются и преобразуются, способствуя эмоциональной и символической турбулентности, сопровождающей современные социальные изменения [3, 18].

Архетип Зевса

Среди наиболее устойчивых мифологических фигур — Зевс, образ которого воплощает сущность патриархального господства. В греческой мифологии Зевс обладает абсолютной властью, управляя посредством сочетания порядка, страха и избирательной благосклонности [28]. Его неограниченное сексуальное право — выраженное в многочисленных завоеваниях и превращениях — воплощает фантазии о мужской привилегии, освобожденной от ответственности. Зевс защищает избранных потомков и союзников,

одновременно наказывая тех, кто бросает ему вызов, тем самым закрепляя иерархическую логику, вознаграждающую лояльность и подавляющую несогласие. Он не допускает посягательств на свое превосходство, занимая позицию одновременно суверена и арбитра справедливости [29].

Этот архетип пронизывает западное культурное и политическое воображение, формируя представления о сильных лидерах, харизматических авторитетах и мужском доминировании [8, 30]. Даже в светских и демократических контекстах ослабленные формы фигуры Зевса продолжают присутствовать в политической риторике, корпоративных моделях лидерства и культурных репрезентациях влиятельных мужчин [9]. Сохранение этого архетипа демонстрирует, что мифологические образы продолжают организовывать ожидания относительно власти даже после того, как их мифологические источники перестают осознаваться.

Праотец у Фрейда

Концепция праотца в работе Фрейда «Тотем и табу» предлагает психоаналитическую модель амбивалентных оснований патриархальной власти. В этом мифологическом реконструировании праотец монополизирует власть и вызывает у сыновей враждебность, приводящую к его убийству и последующей символической идеализации [19]. Интернализация убитого отца формирует моральные запреты и символический закон, регулирующие социальную жизнь.

Этот нарратив подчеркивает фундаментальное напряжение внутри патриархальной власти: она одновременно вызывает страх, сопротивление и идеализацию. В периоды ослабления традиционных структур власти эти амбивалентности могут вновь проявляться на коллективном уровне, вызывая колебания между отвержением авторитарного лидерства и потребностью в защитной отцовской фигуре [26, 31].

В совокупности эти мифологические и психоаналитические перспективы показывают, что трансформация патриархальной власти представляет собой не просто институциональное изменение, но более глубокое нарушение символических и бессознательных структур, которые длительное время организовывали социальную жизнь.

Системные проявления патриархата в социальных институтах

По мере ослабления патриархальной власти в современных обществах ее трансформация разворачивается неравномерно в различных социальных системах. Институциональные структуры редко исчезают с той же скоростью, что и культурные идеалы; напротив, они демонстрируют инерцию и символические остатки, продолжающие формировать повседневную жизнь [7, 8]. В результате упадок патриархата формирует переходную ситуацию, характеризующуюся не только расширением эгалитарных устремлений, но и сохранением структурной асимметрии и амбивалентных форм власти.

Гендерные роли и структурное неравенство

Несмотря на значительный социальный прогресс, гендерные иерархии остаются встроенными во многие институциональные среды. Экономические и организационные структуры продолжают отражать исторические представления о различной ценности форм труда, что приводит к устойчивым различиям в представленности на руководящих позициях и в экономическом признании [32, 33]. Одновременно распределение заботы и домашних обязанностей по-прежнему отражает устоявшиеся гендерные ожидания, влияя на профессиональные траектории и эмоциональную нагрузку внутри семей [34].

Эти паттерны показывают, что патриархальные структуры часто сохраняются не через явную идеологию, а через институциональные практики и культурные ожидания, которые остаются частично неизменными даже при формальном расширении принципов равенства.

Институциональные и культурные предвзятости

Аналогичные процессы наблюдаются в образовательных, политических и медицинских системах. Образовательные традиции и культурные каноны исторически отдавали приоритет мужским перспективам и достижениям, тем самым косвенно закрепляя представления о власти и культурной центральности [8]. Политические институты во многих обществах продолжают демонстрировать неравномерное гендерное представительство, а нормативные рамки иногда сохраняют патерналистские предпосылки в отношении управления и социального порядка [35].

Системы здравоохранения также демонстрируют унаследованные предвзятости, включая исследовательские традиции, в которых мужское тело рассматривалось как норма, а гендерно-специфические медицинские потребности недооценивались [36]. Эти институциональные паттерны показывают, что символические иерархии могут сохраняться даже там, где формальные структуры власти уже начали изменяться.

Символические остатки в социальных системах

Помимо институциональных структур, патриархальные предпосылки продолжают воспроизводиться через правовые системы, семейную организацию, религиозные традиции и языковые практики. Представления о происхождении и наследовании, исторически связанные с передачей по мужской линии, продолжают формировать культурные представления о принадлежности и властных отношениях [2]. Религиозные нарративы и ритуальные традиции часто сохраняют символические репрезентации мужского лидерства, тогда как повседневные языковые выражения воспроизводят гендерные иерархии, закрепленные в культурной памяти [7, 11].

Такие остатки показывают, что патриархат сохраняется не только как политическая система, но и как символическая рамка, встроенная в социальные институты и культурные практики. Поэтому его трансформация представляет собой сложный и неравномерный процесс, в котором унаследованные структуры сосуществуют с возникающими формами межличностных и институциональных отношений.

Кризис патриархата: фрагментация и регрессия

Упадок патриархата не разворачивается как линейный переход от иерархического доминирования к эгалитарной свободе. Напротив, ослабление устойчивой символической метаструктуры порождает нестабильность и культурную турбулентность. Патриархат исторически обеспечивал — пусть и проблематично — рамку ролей, границ и легитимирующих нарративов, структурирующих власть и межличностные ожидания [3, 8]. По мере разрушения этих координат общества сталкиваются с трудностью формирования альтернативных символических рамок, способных опосредовать желание, власть и коллективную ответственность.

Периоды таких трансформаций часто сопровождаются регрессией, поляризацией и возобновлением апелляций к отцовской власти. Вместо немедленной эмансипации упадок патриархата обнажает неразрешенные культурные тревоги, создавая социальную ситуацию, характеризующуюся амбивалентностью: движения к равенству сосуществуют с защитными реакциями, стремящимися к стабильности, определенности и восстановлению иерархии [4, 18, 26].

Кризис символической власти

Одним из проявлений этой трансформации является кризис символической власти, выражающийся в появлении «слабых, ориентированных преимущественно на самоподтверждение и лишенных видения лидеров» [37]. Такие фигуры могут обладать формальной властью, но часто лишены символической легитимности, необходимой для посредничества между индивидуальными интересами и коллективным порядком. Исторически патриархальные системы обеспечивали «отцовскую метафору», закрепляющую закон, преемственность и ответственность в социальном порядке [9, 13]. По мере ослабления этой символической опоры общества нередко колеблются между недоверием к власти и стремлением к ее стабилизирующему возвращению.

В отсутствие связной символической рамки лидеры одновременно воспринимаются как самозванцы и идеализируются как потенциальные спасители. Эта амбивалентность отражает более глубокую тревогу, связанную с размыванием границ и неопределенностью относительно того, как должна осуществляться власть после утраты традиционных патернальных норм [3]. По мере эрозии символической власти политическая и культурная сферы становятся все более уязвимыми к популизму, харизматической манипуляции и распространению пустых лозунгов, за которыми не стоит реального содержания [38].

Реакционные движения

В символическом вакууме, возникающем вследствие ослабления патриархата, реакционные движения проявляются с особой силой и остротой. Правый популизм, авторитарный национализм, мизогинные цифровые субкультуры, антигендерные идеологии и гипермаскулинные реваншистские нарративы обещают возвращение к стабильным иерархиям и четко определенным социальным ролям [8, 30]. Эти движения представляют себя как источники защиты, моральной ясности и идентичности в мире, воспринимаемом как фрагментированный и лишенный устойчивых опор.

Их привлекательность основана не только на идеологии или политических программах, но прежде всего на аффективном отклике: они мобилизуют страх утраты места, потери привилегий и тревогу, связанную с размыванием привычных символических опор [31, 34]. Например, мизогинные онлайн-сообщества функционируют как аффективные убежища, где вновь утверждаются патриархальные фантазии о праве на доминирование. Цифровая анонимность усиливает агрессию и чувство обиды, позволяя им распространяться вне межличностной ответственности и моральных рамок [5, 39].

Аналогично антигендерные движения позиционируют себя как защитники природы, традиции и морального порядка, представляя равенство, множественность и текучесть как экзистенциальные угрозы [40]. Эти формирования не являются историческими аномалиями, а представляют собой предсказуемые защитные реакции на дестабилизацию патриархальной власти. Они демонстрируют, насколько глубоко патриархат укоренен в эмоциональной и символической жизни общества и как его эрозия часто вызывает консолидацию и регрессию, а не немедленную трансформацию [14].

Агрегация как переходная защитная форма

Между переходом к массовым формам и возможностью подлинной групповой жизни, основанной на отношениях, находится феномен механического объединения — **агрегации**. Агрегация обозначает форму социальной организации, при которой индивиды объединяются вокруг общих аффектов, идентичностей или обид, не достигая при этом символической интеграции или устойчивых межличностных связей. В отличие от омассовления, которое растворяет индивидуальность в слитой коллективной идентичности, агрегация сохраняет видимость индивидуальности, но лишена символического опосредования, необходимого для взаимного признания и ответственности.

Агрегированные группы объединяются не столько вокруг общего смысла, сколько вокруг аффектов — таких как гнев, страх или ностальгия — которые остаются в значительной степени неосмысленными и не переработанными. В условиях дестабилизации патриархата агрегация функционирует как защитная реакция на символическую неопределенность. Индивиды собираются в рыхлые конфигурации, уменьшающие изоляцию, но не требующие взаимодействия с различием или сложностью [14].

Современные цифровые платформы усиливают эти процессы, позволяя быстрые формы мобилизации, организованные вокруг лозунгов, хэштегов или идентичностных сигналов, а не устойчивых отношений [4]. Таким образом, агрегация создает связь без ответственности и принадлежность без диалога. Хотя она может казаться формой коллективности, на практике она часто блокирует возможность подлинной трансформации. Без символических структур, способных перерабатывать конфликт, агрегированные образования остаются уязвимыми к поляризации и переходу к омассовлению или авторитарным формам [14].

Агрегация, таким образом, представляет собой хрупкое переходное состояние: объединяющую форму, которая может либо закрепиться в защитных коллективностях, либо — при наличии достаточной рефлексии и условий для контейнирования — эволюционировать в более интегрированные формы социальной организации.

Переход к омассовлению

Когда символическая власть ослабевает еще сильнее или полностью разрушается, агрегация может перейти в **омассовление**. В таких формациях индивидуальность постепенно утрачивается, а личная субъектность растворяется в больших, безличных коллективах, обещающих определенность, целостность и принадлежность. При отсутствии символического опосредования люди становятся особенно восприимчивыми к упрощенным нарративам, теориям заговора и пропагандистским дискурсам, которые заменяют неопределенность уверенностью, а сложность — моральным абсолютизмом [41].

Массовые движения — политические, религиозные или культурные — таким образом предоставляют психологическое убежище от тревог, вызванных распадом отцовской и символической власти. Однако это убежище имеет высокую цену. Идентификация с массовым сообществом часто требует приостановки критического мышления, отказа от сложных отношений и жесткой приверженности. Коллектив становится объектом идентификации, подменяющим содержательные межличностные связи, что приводит к поляризации убеждений и усилению враждебности к тем, кто воспринимается как чужой [31].

Омассовление, таким образом, является одновременно симптомом символического распада и фактором, усиливающим дальнейшую фрагментацию.

Расщепление общества

Ослабление посредничающих символических структур также приводит к широкому **расщеплению общества** на взаимно враждебные фракции. Морально поляризованные группы, политические сообщества, культурные информационные пузыри и конспирологические сообщества множатся; каждое из них поддерживается упрощенными нарративами, разделяющими социальный мир на жесткие противопоставления — добро и зло, чистое и порочное, свое и чужое.

Такие динамики отражают примитивные формы групповой психологии, в которых различие переживается не как множественность, а как угроза [19, 20]. При отсутствии символических рамок, способных контейнировать конфликт

и интегрировать сложность, общества могут регрессировать к защитным формам — описываемым как социальные формы изоляции [42], психические убежища [43] или групповые бастионы [44] — которые служат ответом на острую потребность в защите от переживаний нарушенной зависимости и небезопасности в отношениях.

В совокупности реакционные движения, агрегация, омассовление и социальное расщепление показывают, что трансформация патриархальной власти часто сначала приводит к фрагментации, прежде чем возникают новые символические формы. Задача состоит не только в демонтаже патриархальных структур, но и в создании альтернативных рамок, способных поддерживать власть, сложность и межличностную ответственность в подлинно постпатриархальном социальном порядке.

Формирующийся постпатриархальный субъект

Субъект, формирующийся после патриархата, представляет собой гибридную фигуру, одновременно сформированную остатками иерархической традиции и новыми межличностными и символическими возможностями [8, 18]. Больше не ограниченный жесткими гендерными бинарностями, этот субъект сталкивается с расширенным спектром идентичностных позиций и эмоциональных выражений. Однако ослабление унаследованных структур также порождает повышенную тревогу, поскольку ранее стабильные роли и ожидания больше не обеспечивают надежной ориентации [45].

Освободившись от многих традиционных предписаний, индивиды получают большую автономию в формировании своей жизни, но эта автономия сопровождается неопределенностью в отношении принадлежности, преемственности и целостности [46]. Глобальная взаимосвязанность расширяет культурный обмен, одновременно подвергая индивидов воздействию множественных и часто противоречивых символических рамок, усиливая переживания фрагментации [47]. В результате постпатриархальный субъект относится к власти с недоверием, обусловленным историческим опытом злоупотреблений, но при этом продолжает испытывать потребность в опоре, руководстве и символической целостности.

Эти напряжения указывают на переходный исторический момент, в котором психологическая «подпорка», ранее обеспечиваемая патриархальными структурами, ослабла, не будучи полностью замененной. Поэтому субъект постпатриархальной эпохи нуждается в новых формах символической поддержки — в рамках, способных выдерживать неоднозначность, способствовать взаимному признанию и поддерживать принадлежность в условиях сложности современной жизни [48].

Цифровая эпоха и постпатриархальный субъект

Цифровая эпоха ускоряет формирование постпатриархального субъекта, преобразуя условия, в которых конституируются идентичность, власть и межличностные связи. Цифровые среды ослабляют традиционные ролевые ограничения, позволяя индивидам осваивать подвижные и множественные позиции «я» в социальных и виртуальных пространствах [49]. В то же время это расширение возможностей порождает новые уязвимости: люди все в большей степени подвергаются наблюдению, немедленной оценке и постоянному сравнению с другими, задаваемым цифровыми алгоритмами [5].

Онлайн-среды усиливают фрагментацию: конкурирующие идентичности и символические требования сталкиваются при ограниченных возможностях для осмысления и диалога [4]. Власть в этих пространствах часто зависит преимущественно от публичной видимости, будучи отделенной от ответственности и институциональной укорененности. Вместе с тем цифровые сети способствуют возникновению новых форм солидарности, символического экспериментирования и коллективного воображения, поддерживающих формирующиеся постпатриархальные формы принадлежности [47]. Человек в цифровой среде, таким образом, обретает больше свободы, но одновременно испытывает дезориентацию, сталкиваясь как с беспрецедентными возможностями, так и с усиливающимся психологическим давлением и напряжением в отношениях.

Цифровая эпоха: цифровое опосредование и перестройка социальных связей

Цифровая эпоха представляет собой определяющее структурное условие, формирующее современный этап после патриархата. Цифровые технологии не просто отражают социальные изменения; они реорганизуют способы, посредством которых формируются власть, субъективность и социальные связи [5]. Если патриархальные системы опирались на вертикальную передачу, временную дистанцию и персонифицированную власть, то цифровая среда, напротив, делает акцент на горизонтальных связях, непосредственности и постоянной смене связей и позиций. Этот сдвиг ослабляет традиционные механизмы символического опосредования

и усиливает кризис власти, сопровождающий упадок патриархата [4].

С групп-аналитической точки зрения цифровые среды могут усиливать примитивные групповые динамики. Базовые предпосылки Биона — зависимость, «борьба–бегство» и мессианское спаривание — проявляются с особой интенсивностью в онлайн-коллективах, где символическое удержание ограничено [14, 50]. Цифровые алгоритмы поощряют эмоциональную интенсивность, поляризацию и быстрые идентификации, часто подрывая рефлексивное мышление и устойчивый диалог [4]. Власть становится все более зависимой от форм проявления и нестабильной, создавая видимость участия без ответственности.

В клиническом плане эти динамики усиливают нарциссическую уязвимость. Как отмечает Теркл, цифровые взаимодействия часто создают видимость связи без требований взаимности, амбивалентности или способности выдерживать фрустрацию [49]. Субъективность все больше зависит от внешнего подтверждения — показателей видимости, внимания и алгоритмической валидации — что приводит к колебаниям между грандиозностью и пустотой [51]. В этой среде отцовская функция — введение паузы и установление границ — уступает место непосредственности и перенасыщению, что усиливает тревогу и затрудняет регуляцию аффекта [13].

В то же время цифровая эпоха создает новые формы власти, действующие без явной иерархии. Концепция «надзорного капитализма», предложенная Зубофф, показывает, как власть смещается от видимых отцовских фигур к непрозрачным технологическим системам, которые формируют поведение и желания через сбор данных и предиктивные алгоритмы [5]. Возникающее состояние носит парадоксальный характер: видимое освобождение от патриархальной власти сочетается со все более тонкими формами контроля, которые остаются в значительной степени незаметными и трудно поддаются оспариванию.

Тем не менее цифровые среды также содержат постпатриархальный потенциал. Горизонтальные сети, множественные идентификации и возникающие формы коллективной субъектности могут противостоять вертикальному доминированию и жестко закрепленным структурам идентичности [47]. Поэтому ключевая задача заключается не в отказе от технологий, а в их символической реинтеграции: в разработке культурных, институциональных и терапевтических рамок, способных восстановить опосредование, ответственность и этические границы в условиях цифровой социальной среды.

Групп-аналитические процессы в условиях постпатриархата

Групповой анализ — это область, в которой индивидуальное, межличностное и социальное понимаются как неразрывно взаимосвязанные. Эта интегративная перспектива сформулирована в разработанной Эрлом Хоппером **трехчастной матрице**, выделяющей **базовую, динамическую** и **личную матрицы** [52]. В совокупности эти матрицы предоставляют рамку для понимания того, как исторические, культурные и институциональные силы пересекаются с групповыми процессами и индивидуальной субъективностью. В контексте упадка патриархата эта модель предоставляет особенно продуктивную теоретическую перспективу для отслеживания того, как изменения в структурах власти и системе символических норм и представлений одновременно проявляются на общественном, групповом и личном уровнях.

Поскольку аналитическая группа функционирует как микрокосм своего социального и институционального контекста, эрозия патриархальной власти становится видимой во всех трех матрицах. В базовой матрице патриархат сохраняется как исторически закрепившаяся символическая структура, организующая власть, гендерные роли и ожидания в отношениях. В динамической матрице эти унаследованные паттерны активируются, оспариваются и трансформируются в ходе текущих групповых взаимодействий. В личной матрице участники привносят в группу собственные интернализации патриархального опыта — сформированные семейной историей, гендерной позицией и культурным контекстом [16].

Таким образом, аналитическая группа становится живой лабораторией, в которой остатки и переорганизации патриархата могут наблюдаться с особой отчетливостью. По мере ослабления гравитационного притяжения патриархальных структур в современных обществах группы испытывают трудности в формировании новых форм символической организации. Власть больше не функционирует как стабильный, само собой разумеющийся принцип организации, однако ее отсутствие порождает тревогу и дезориентацию во всех трех матрицах. Аналитическая группа делает эти напряжения доступными для осмысления, вместо того чтобы они оставались рассеянными в социальном бессознательном.

Власть и лидерство в группе

Амбивалентность по отношению к власти, характерная для постпатриархального состояния, часто непосредственно проявляется в динамической матрице группы. Участники могут оспаривать легитимность ведущего, ставя под сомнение

его власть, намерения или компетентность. Хотя такие реакции выглядят межличностными, они часто отражают более глубокую нестабильность символических структур власти, укорененных в базовой матрице [16]. По мере культурного ослабления отцовской метафоры сохраняется ожидание, что лидеры должны обеспечивать ясность, контейнировать ситуацию и задавать направление, тогда как доверие к легитимности такой власти при этом снижается [53].

В группе это напряжение часто приводит к колебаниям между идеализацией и агрессией. Ведущий может переживаться то как стабилизирующая отцовская фигура, то как недостаточный, навязчивый или нелегитимный. Возникает путаница в отношении правил и границ, отражающая более широкие нарушения социальных структур, ранее закрепленных патриархальной властью. На уровне личной матрицы участники реагируют в соответствии со своей историей отношений с властью: одни ищут сильное удержание, другие реагируют защитно на воспринимаемое доминирование. Эти многослойные реакции разыгрывают современную дилемму: стремление к лидерству без доминирования, к структуре без иерархии и к власти без авторитаризма. В этом смысле ведущий становится узловой точкой, в которой сходятся конфликты базовой, динамической и личной матриц.

Краткий пример иллюстрирует, как эти динамики проявляются на практике. В одной аналитической группе участники начали выражать недовольство тем, что ведущий не вмешивается более решительно в эмоционально напряженные обсуждения. Некоторые требовали более четких указаний, настаивая, что группе необходимо более сильное руководство. Другие, напротив, ценили нежелание ведущего прибегать к скрытому использованию власти, что выражалось в воздержании от интервенций. Обсуждение быстро поляризовало группу на два лагеря — тех, кто стремился к жесткому удержанию, и тех, кто сопротивлялся воспринимаемому доминированию. Рассматриваемый через призму трехчастной матрицы, этот эпизод отражал не только внутриличностные конфликты или межличностные напряжения в группе, но и более широкие тревоги, связанные с легитимностью власти в постпатриархальном контексте.

Такие напряжения редко остаются ограниченными отношением «ведущий — участник». По мере того как неопределенность в отношении власти распространяется в группе, она часто реорганизует все поле межличностных связей, приводя к формированию подгрупп и поляризованных коалиций.

Формирование подгрупп и поляризация

Фрагментацию на подгруппы можно понимать как ответ динамической матрицы на нестабильность базовой матрицы. В отсутствие общих символических опор группа стремится к временным формам сплоченности через выравнивание и противопоставление. Более активные участники могут объединяться друг с другом, тогда как менее вовлеченные тяготеют к отстраненной позиции. Могут возникать гендерные альянсы, иногда воспроизводящие традиционные патриархальные роли, а иногда их оспаривающие или инвертирующие. Прогрессивные и консервативные позиции могут поляризоваться, отражая неразрешенные напряжения, циркулирующие в более широкой социальной матрице [14].

Эти образования подгрупп являются не только защитными механизмами, но и выражением конфликтов, связывающих базовую и личную матрицы. Участники тяготеют к позициям, резонирующим с их личным опытом власти, принадлежности и маргинализации, одновременно участвуя в коллективных разыгрываниях, обусловленных более широкими социальными конфигурациями. Патриархальная логика может вновь проявляться в этих динамиках, позиционируя одни подгруппы как доминирующие, а другие — как подчиненные, даже в группах, сознательно ориентированных на равенство. Во многих случаях ведущий становится предметом спора как символическая фигура, воплощающая неразрешенные конфликты вокруг власти, укорененные в базовой матрице.

По мере усиления напряжений между подгруппами в групповой матрице часто проявляются скрытые гендерные ожидания, связанные с властью, заботой и агрессией.

Гендерные динамики

Гендерные динамики возникают на пересечении всех трех матриц. В базовой матрице патриархальные культуры формируют устойчивые символические связи между гендером, властью, заботой и агрессией. В личной матрице индивиды интернализируют эти связи в индивидуальных формах, обусловленных семейным опытом, культурой и жизненной историей. В динамической матрице эти интернализации разыгрываются через способы говорения, замалчивания, заботы и конфронтации.

Женщины могут неявно позиционироваться — или сами себя позиционировать — как эмоциональные контейнеры или посредники, ответственные за стабилизацию аффективного климата группы. Мужчины могут бессознательно наделяться функциями носителей агрессии,

власти или вызова. Участники, воспринимаемые как феминные, независимо от гендерной идентичности, часто становятся контейнерами для уязвимости или зависимости, тогда как маскулинные участники могут позиционироваться как носители силы или конфронтации. Эти разыгрывания сохраняются даже в группах, явно ориентированных на равенство, что демонстрирует глубину укорененности патриархальных структур в базовой матрице и их влияние на межличностные ожидания на бессознательном уровне [54].

Эти гендерные динамики часто сходятся вокруг еще одного повторяющегося феномена — бессознательного поиска стабилизирующей отцовской фигуры.

Поиск нового отца

Повторяющийся поиск «нового отца» в аналитических группах можно понимать как реакцию на дестабилизацию патриархальной власти в базовой матрице. По мере утраты легитимности традиционных отцовских структур группы могут бессознательно искать альтернативные фигуры, способные обеспечить символическое удержание и моральную ориентацию [55]. Это стремление может концентрироваться на ведущем или переноситься на харизматичного участника, которому неявно приписывается лидерская роль.

На уровне личной матрицы участники привносят в этот поиск собственные неразрешенные отношения с отцовскими фигурами, усиливая процессы соперничества, идеализации и обиды. Амбивалентность группы — одновременное стремление, сопротивление и страх по отношению к отцовской власти — отражает трудность отказа от патриархального удержания при отсутствии устойчивых альтернативных символических форм. Эти процессы следует понимать не как простую регрессию, а как выражение переходного психического и социального состояния, в котором унаследованные структуры ослабевают, а новые рамки межличностных отношений еще не сформированы [54].

Групповой анализ как пространство трансформации

Несмотря на эти напряжения, групповой анализ обладает значительным трансформационным потенциалом именно потому, что он одновременно функционирует во всех трех матрицах. В динамической матрице группа предоставляет структурированное пространство, в котором конфликты могут быть символизированы, а не разыгрываться деструктивно. В личной матрице участники могут распознавать и прорабатывать травмы, связанные с властью, укорененные в опыте доминирования, пренебрежения или оставления. В базовой матрице новые символические конфигурации могут постепенно формироваться через совместную рефлексию и межличностный опыт [52].

Развитие концепции трехчастной матрицы Эрлом Хоппером, в сотрудничестве с зарубежными коллегами, сыграло ключевую роль в формулировании этого трансформационного потенциала. Подчеркивая, что каждая группа является микрокосмом своего социального и институционального контекста, Хоппер помещает аналитическую работу в более широкие социальные конфигурации. Его подход позволяет отслеживать, как тревоги, возникающие в социальной матрице — особенно связанные с легитимностью, властью и принадлежностью — перерабатываются в групповых процессах, а не остаются неосмысленными или разыгрываются деструктивно.

В этом смысле аналитическая группа может функционировать как прототип постпатриархальных межличностных связей. Лидерство может становиться распределенным, а не централизованным; власть — обсуждаемой, а не навязываемой; различия — выдерживаемыми, а не расщепляемыми. Символический смысл возникает через диалог внутри групповой матрицы, а не задается унаследованными иерархиями.

Посредством этой работы групповой анализ способствует не только индивидуальной и групповой трансформации, но и постепенному формированию новых социальных конфигураций, способных поддерживать психическую жизнь за пределами патриархата. В динамике между Эросом и Танатосом группа противостоит как маниакальному отрицанию, так и парализующему отчаянию, сохраняя контакт с реальностью. Таким образом, аналитическая группа поддерживает продолжающийся индивидуальный и коллективный эволюционный процесс, в котором развитие возникает через совместную рефлексию и межличностное взаимодействие.

Заключение

Трансформация патриархата представляет собой один из наиболее значимых символических сдвигов, формирующих современную социальную жизнь. На протяжении веков патриархальные системы функционировали не только как институциональные устройства, но и как организующие метаструктуры, посредством которых общества структурировали власть, гендерные отношения, принадлежность и моральный порядок. По мере ослабления этих структур их влияние продолжает резонировать на различных

уровнях социального поля — в символических рамках смыслообразования, в социальном бессознательном, передающем межличностные паттерны между поколениями, и в институтах и культурных нарративах, формирующих повседневную жизнь.

В то же время ослабление патриархальной власти открывает новые возможности для межличностной и символической реорганизации. Расширенные представления о гендере, идентичности и принадлежности создают пространство для форм социальной жизни, менее ограниченных жесткими иерархиями. Однако этот переход также поднимает важные вопросы о том, каким образом могут поддерживаться власть, ответственность и коллективная связность в условиях, когда традиционные символические опоры утрачивают свою самоочевидную легитимность.

В этом изменяющемся контексте групповой анализ предлагает особенно ценную перспективу. Рассматривая группу как микрокосм более широкой социальной матрицы, групп-аналитическая теория позволяет клиницистам наблюдать, как более широкие культурные трансформации разыгрываются в межличностной динамике. Разработка Эрлом Хоппером трехчастной матрицы — различающей базовую, динамическую и личную матрицы — предоставляет рамку, в которой эти процессы могут одновременно прослеживаться на социальном, групповом и индивидуальном уровнях.

В аналитических группах трансформация патриархальной власти проявляется в оспаривании лидерства, формировании подгрупп, гендерно обусловленных реакциях и поиске новых форм символического контейнирования. Вместо того чтобы рассматривать эти динамики как простые нарушения, групповой анализ понимает их как выражение более широкого социального перехода. Аналитическая группа предоставляет структурированное пространство, в котором эти напряжения могут исследоваться, символизироваться и постепенно интегрироваться.

В этом смысле аналитические группы функционируют не только как терапевтические среды, но и как пространства социального обучения. Внутри групповой матрицы власть может рассматриваться как межличностный процесс, а не как фиксированная иерархия. Лидерство может становиться распределенным, а не централизованным, а различия могут быть проработаны без необходимости жесткой поляризации. Посредством диалога и совместной рефлексии участники экспериментируют с новыми способами согласования власти, ответственности и принадлежности.

Эта способность выдерживать неоднозначность является одним из ключевых вкладов группового анализа. Работая одновременно в базовой, динамической и личной матрицах, аналитические группы позволяют участникам распознавать, каким образом унаследованные структуры продолжают формировать межличностные ожидания и представления о власти. В то же время они создают возможности для формирования альтернативных форм символической организации, основанных на взаимном признании и разделенной ответственности.

Работа группы, таким образом, выходит за пределы разрешения индивидуальных конфликтов. Она способствует постепенному формированию межличностных рамок, способных поддерживать психическую жизнь в изменяющихся социальных условиях. В аналитической группе участники могут рефлексировать опыт власти, зависимости и ответственности таким образом, который способствует как личному пониманию, так и коллективному осмыслению.

Посредством этого процесса групповой анализ способствует развитию того, что Эрл Хоппер обозначает как **зрелую надежду** — форму надежды, основанную не на восстановлении прежних структур, а на способности групп мыслить, взаимодействовать и совместно создавать смысл. В этом смысле аналитическая группа становится пространством, в котором могут исследоваться возможности постпатриархальной власти: власти, которая согласуется, а не навязывается, носит межличностный, а не иерархический характер и поддерживается посредством диалога, ответственности и совместной символической работы.

Литература

1. Beauvoir S de. The second sex. New York: Vintage Books; 2011.
2. Lévi-Strauss C. The elementary structures of kinship. Boston: Beacon Press; 1969.
3. Castoriadis C. The imaginary institution of society. Cambridge: MIT Press; 1997.
4. Han B-C. In the swarm. Cambridge: MIT Press; 2017.
5. Zuboff S. The age of surveillance capitalism. New York: PublicAffairs; 2019.
6. Cambridge University Press. Patriarchy. Cambridge Dictionary. Дата обращения: 30.06.2026. Доступно по: https://dictionary.cambridge.org
7. Bourdieu P. Masculine domination. Stanford: Stanford University Press; 2001. https://doi.org/10.1086/344857
8. Connell RW. Masculinities. Berkeley: University of California Press; 2005.
9. Weber M. Economy and society. Berkeley: University of California Press; 1978.
10. Campbell J. The hero with a thousand faces. Princeton: Princeton University Press; 1949.
11. Eliade M. The sacred and the profane. New York: Harcourt; 1959.

12. Fraser N. Rethinking the public sphere: a contribution to the critique of actually existing democracy. Social Text. 1990;(25–26):56–80. https://doi.org/10.2307/466240
13. Lacan J. Écrits. New York: Norton; 2006.
14. Hopper E, Weinberg H. The social unconscious in persons, groups and societies. London: Karnac; 2011.
15. Dalal F. Race, colour and the processes of racialization. London: Brunner-Routledge; 2001.
16. Foulkes SH. Therapeutic group analysis. London: Allen & Unwin; 1964.
17. Penna C. From crowd psychology to the dynamics of large groups: The social unconscious and social trauma. London: Routledge; 2023.
18. Benjamin J. The bonds of love: Psychoanalysis, feminism, and the problem of domination. New York: Pantheon Books; 1988.
19. Freud S. Totem and taboo. London: Routledge; 1950.
20. Freud S. Group psychology and the analysis of the ego. New York: Norton; 1955.
21. Freud S. Civilization and its discontents. New York: Norton; 1961.
22. Freud S. The ego and the id. New York: Norton; 1961.
23. Volkan VD. Transgenerational transmissions and chosen traumas. Int J Group Psychother. 2001;51(1):79–97. https://doi.org/10.1521/ijgp.51.1.79.49884
24. Boszormenyi-Nagy I, Spark GM. Invisible loyalties: Reciprocity in intergenerational family therapy. New York: Harper & Row; 1973.
25. Klein M. Notes on some schizoid mechanisms. Int J Psychoanal. 1946;27:99–110.
26. Fromm E. Escape from freedom. New York: Farrar & Rinehart; 1941.
27. Jung CG. Man and his symbols. New York: Doubleday; 1964.
28. Hesiod. Theogony. Oxford: Oxford University Press; 2006.
29. Kerényi K. The gods of the Greeks. London: Thames & Hudson; 1966.
30. Kimmel M. Angry white men. New York: Bold Type Books; 2017.
31. Volkan VD. Blind trust. Charlottesville: Pitchstone; 2004.
32. World Economic Forum. Global gender gap report. Geneva: World Economic Forum; 2023. Дата обращения: 30.06.2026. Доступно по: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2023
33. Eagly AH, Carli LL. Through the labyrinth. Boston: Harvard Business School Press; 2007.
34. Hochschild AR, Machung A. The second shift. New York: Penguin; 2012.
35. Phillips A. The politics of presence. Oxford: Oxford University Press; 1995.
36. Criado Perez C. Invisible women: data bias in a world designed for men. New York: Abrams Press; 2019.
37. Liolios K. Exploring social unconscious clues upon generational gap across the Mediterranean: when group analysis meets psychodrama. Paper presented at: 6th IAGP Regional Conference in Africa; Cairo; 2023.
38. Laclau E. On populist reason. London: Verso; 2005.
39. Ging D. Alphas, betas, and incels: theorizing the masculinities of the manosphere. Men and Masculinities. 2019;22(4):638–657. https://doi.org/10.1177/1097184X17706401
40. Butler J. Undoing gender. New York: Routledge; 2004. https://doi.org/10.4324/9780203499627
41. Arendt H. The origins of totalitarianism. New York: Harcourt, Brace & Company; 1951.
42. Hopper E. Encapsulation as a defence against the fear of annihilation. Int J Psychoanal. 1991;72(4):607–624.
43. Mojović M. Manifestations of psychic retreats in social systems. В: Hopper E, Weinberg H, ред. The social unconscious in persons, groups and societies. London: Karnac; 2011. https://doi.org/10.4324/9780429483233-12
44. Penna C. Transference, countertransference, and the social unconscious. В: Hopper E, ред. The tripartite matrix. London: Routledge; 2024. 103–115.
45. Giddens A. Modernity and self-identity. Cambridge: Polity Press; 1991.
46. Bauman Z. Liquid modernity. Cambridge: Polity Press; 2000.
47. Castells M. The rise of the network society. Oxford: Wiley-Blackwell; 2010. https://doi.org/10.1002/9781444319514
48. Benjamin J. Beyond doer and done to: Recognition theory, intersubjectivity, and the third. London: Routledge; 2017. https://doi.org/10.4324/9781315533292
49. Turkle S. Alone together. New York: Basic Books; 2011.
50. Bion WR. Experiences in groups. London: Tavistock; 1961.
51. Kohut H. The restoration of the self. New York: International Universities Press; 1977.
52. Hopper E. The tripartite matrix. London: Routledge; 2024.
53. Foulkes SH. Group-analytic psychotherapy: Method and principles. London: Gordon & Breach; 1975.
54. Nitzgen D. The concepts of the social unconscious and of the matrix in the work of SH Foulkes. В: Hopper E, Weinberg H, ред. The social unconscious in persons, groups and societies. London: Karnac; 2017.
55. Kaës R. Les alliances inconscientes. Paris: Dunod; 2007.